

дѣтямъ, —верѣдко бываетъ причиною ихъ паденія¹⁾, ибо какъ ни сильны врожденныя, естественныя наклонности, въ юности онѣ такъ поддаются вліянію, что изъ нихъ можно сдѣлать все, что хочешь²⁾.

III.

Мы попытались выдѣлать изъ *De Claris mulieribus* ихъ дидактическую часть; отношеніе къ морали Корбаччо опредѣляется настроеніемъ того и другаго труда: Корбаччо — страстный памфлетъ, въ немъ поневолѣ преобладаетъ отрицаніе; въ *De Claris Mulieribus* есть мѣсто и положительнымъ требованіямъ, какъ и въ Декамеронѣ панегерикъ любви чередуется съ проповѣдью нравственности, но господствующее настроеніе остается пессимистическое. Это — результатъ опыта, приведшаго къ болѣе серьезной постановкѣ вопроса о цѣляхъ жизни, не къ полному нравственному равновѣсію; отсюда неизбежныя колебанія и непримиренныя, можетъ быть, безсознательныя противорѣчія: осталось и новое, порывы свободы, лежавшіе въ темпераментѣ, въ духѣ времени, и рядомъ боязливая приверженность къ старому, прочному, издавна манившему обѣщаніемъ покоя скорбящимъ и волнующимся. Эти противорѣчія никогда не примирялись въ Боккаччо, не примирялись и въ Петраркѣ; они могли соединять ихъ практически, могли обманывать себя блестящей фразой, цѣлью афоризмовъ, перекидывавшихся съ одного края пропасти на другой, но они ихъ переживали. Въ этомъ отношеніи *De Claris Mulieribus* важнѣе для характеристики нравственной и умственной череполосицы Боккаччо, чѣмъ крайній пессимизмъ его сатиры. Поставленъ вопросъ о женщинѣ и любви; любовь, по скольку въ бракѣ она не отвѣчаетъ цѣлямъ человѣческаго размноженія и супружескаго цѣломудрія, отрицается; въ противобѣсъ ей выдвигаютъ цѣлый сонмъ добродѣтелей и обереговъ; ихъ

1) Гл. 48.

2) Гл. 77.

лозунгъ — воздержаніе отъ всякихъ соблазновъ. Мы въ полномъ ригоризмѣ, глаза даны лишь за тѣмъ, чтобы вперять ихъ въ небо — а рядомъ пластическое изображеніе Елены, чувство линій и красокъ и восторгъ предъ художницей — природой. — Или другое противорѣчіе, на этотъ разъ болѣе широкое, противорѣчіе развитія и нравственности: идеальная женщина связана строгимъ обиходомъ семьи, культомъ очага; степенная, молчаливая, она напоминаетъ «простушекъ», на которыхъ обрушился юморъ Декамерона — а между тѣмъ въ Андреѣ Аччяйоли восхваляется даръ изящнаго слова; превозносятся художницы, поэтессы, женщины, не ограничившія себя прялкой и веретенкомъ; исторія культуры представляется паденіемъ, съ первобытной простотой исчезли и невинные нравы — а вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ своей культурѣ Италия находитъ источникъ міровой славы. — Слава, объединяющая понятіе именитыхъ женщинъ, не въ противорѣчій съ нравственностью, или лишь видимо; не только она шире ея логически, но и преимущество симпатій на ея сторонѣ; слава, какъ громкое заявленіе личности, какъ увѣковѣчивающій ее моментъ¹⁾, слава таланта, прирожденныхъ силъ и дарованій, слава подвига и великихъ дѣлъ, хотя бы личность была къ нимъ косвеннымъ поводомъ, герой являлся пассивнымъ лицомъ, его извѣстность выстраданной, какъ у Гекубы. Въ такихъ случаяхъ нравственный критерій былъ неприложимъ, за то навязывался другой вопросъ, неизбежный, тревожный и невѣсомый, къ которому приходили невольно, выдѣливъ въ жизни моменты природныхъ данныхъ и нравственной вмѣняемости и получивъ страшное неизвѣстное: колеблющееся понятіе о fortunѣ, судьбѣ или промыслѣ. Боккаччо не разъ касался его въ своемъ *De Claris Mulieribus*²⁾, въ сущности, нѣкоторыя изъ его главъ могли-бы найти мѣсто въ томъ его сочиненіи, которое специально посвящено вопросу о fortunѣ: я разумѣю его трактатъ «О роковой участи великихъ людей»³⁾.

1) См. сонетъ XXXVI.

2) Гл. 18, 17, 32 и passim.

3) *De Casibus Virorum illustrium*.

Эпитетъ «роковой» приготовляетъ насъ къ трагедіи; трагическая судьба виднѣе, самъ Боккаччѣо считаетъ себя съ юности «враждебнымъ судьбѣ¹⁾»; эта идея издавна волновала его, она выведетъ насъ изъ ограниченнаго кругозора книги объ именитыхъ женщинахъ на почву болѣе общихъ интересовъ.

Долго лежала у меня моя книжица²⁾ о судьбѣ, или скорѣе, о несчастной долѣ знаменитыхъ людей³⁾, писалъ въ 1374-мъ году Боккаччѣо къ Кавальканти, ибо я колебался, кому ее направить, чье имя она могла бы украсить, да и сама пройти въ люди при лучшихъ знаменіяхъ, чѣмъ мои. Вѣдь всѣ мы, влекомые призракомъ славы, стараемся возвеличить, увѣковѣчить⁴⁾ свои труды; особенно писатели. Думалъ я о папѣ, объ императорѣ, о какомъ нибудь изъ великихъ властителей; но современные папы забыли о словѣ истины: царство мое не отъ міра сего и, обративъ священное облаченіе въ доспѣхи, посохъ въ копье, помышляютъ о брани, ликуютъ о пролитіи христіанской крови, посягаютъ на всемірную власть. Тогда я помыслилъ о нынѣшнемъ цезарѣ (Карлѣ IV), но онъ коснѣетъ на далекомъ сѣверѣ, промежъ снѣговъ и кубковъ⁵⁾. Затѣмъ мое тревожное вниманіе обратилось на тѣхъ, которые, украшенные царственными титулами, желаютъ прослыть царями⁶⁾; припомнился король галловъ⁷⁾, надменно мечтающій о себѣ, что родомъ и нравами онъ выше другихъ, тогда какъ его вельможи увѣрили его, что королю непристойно не то что философствовать⁸⁾, но и знать грамоту⁹⁾.— Въ 1374-мъ году во Франціи царилъ Карлъ V, любитель наукъ, но Боккаччѣо увлекся риторическимъ шаржемъ, перенеся на какого-то абстрактнаго француз-

1) См. выше т. I, стр. 79.

2) Opusculum.

3) Et ut plurimum infelices exitus.

4) Diuturniores facere.

5) См. выше стр. 158.

6) Qui notis insigniti regis haberi volunt.

7) Gallus Sicamber.

8) Philosophari.

9) Verum litterarum novisse charactera.

скаго короля характеристику Филиппа VI у Петрарки ¹⁾. — Съ такимъ-же шаржемъ перебираетъ онъ далѣ испанца, суроваго бритта, гордящагося недавней побѣдой, двоедушнаго, невѣрнаго паннопа ²⁾ и изнѣженнаго короля Сициліи ³⁾: все это одни призраки королей, таковы ихъ нравы, роскошь и недѣятельность; имъ онъ не посвятить своего труда, скорѣе предоставитъ его на волю судьбъ ⁴⁾. Тутъ его посѣтила мысль: кому лучше и надежнѣе довѣрить его, какъ не другу, хотя-бы худородному ⁵⁾? Вѣдь дѣлали такъ, и часто, именитые мужи. Къ чему-же ищешь ты среди дикихъ звѣрей, скорѣе рычащихъ, чѣмъ владѣющихъ рѣчью—враговъ философіи, когда у тебя есть другъ, котораго ты постоянно легѣшь въ своемъ сердцѣ, видишь предъ своими глазами ⁶⁾, твой Магинардо, чью вѣрность и любовь и щедроты ты давно испыталъ? Къ тому-же ты и породнился съ нимъ, ибо ты крестный отецъ его единственнаго сына. И Боккаччо распространяется въ похваляхъ Кавальканти ⁷⁾: пусть не отринетъ малаго дара, который его бѣдный другъ ⁸⁾ желалъ украсить царственнымъ именемъ, теперь украшаетъ его собственнымъ; пусть, читая его книгу, исправляетъ, что въ ней оказалось-бы нескромнымъ ⁹⁾, и выпуститъ въ свѣтъ, къ вящей славѣ своего имени, отблескъ которой падетъ и на автора ¹⁰⁾.

Хронологія этого письма опредѣляется другими посланіями Боккаччо къ Кавальканти. Въ письмѣ отъ 20—28-го августа 1373-го года Боккаччо поздравлялъ друга съ вступленіемъ въ бракъ, совершившійся незадолго передъ тѣмъ; въ письмѣ отъ

1) *Rer. Memorandarum* l. I, посл. глава.

2) *Bilinguis*.

3) *Effeminatus sculus*.

4) *Fortunae manibus committere*.

5) *Etiamsi extremae sortis homo sit*.

6) *Quod in oculis tuis assidue est, quod te coram semper obambulat*.

7) Сл. выше стр. 165.

8) *Pauperis amici*.

9) *Minus decenter se habentia*.

10) Цитую по тексту, изданному мною въ: *Iohannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres*. Спб. 1876, стр. 22—4.

13-го сентября того-же года выражаетъ онъ пожеланіе, чтобы Магинвардо достойно воспиталъ ожидаемаго имъ сына¹⁾; наконецъ изъ посвятительнаго посланія при De Casibus видно, что Боккаччьо крестилъ новорожденнаго, очевидно, заглазно, потому что послѣ 1371-го года онъ не былъ въ Неаполѣ. Съ другой стороны послѣднія страницы De Casibus предполагаютъ Петрарку еще въ числѣ живыхъ († 19-го іюля 1374-го года); ясно, что книга обращена была къ Кавальканти въ концѣ 1373-го года, либо въ началѣ слѣдующаго²⁾.

Серьезно или нѣтъ было намѣреніе Боккаччьо посвятить свою книгу кому-нибудь изъ сильныхъ міра сего, но только отрицательное отношеніе къ современнымъ ему представителямъ власти, выразившееся въ посланія къ Кавальканти, поддерживается всѣмъ настроеніемъ его труда. Это главнымъ образомъ «зерцало властителей», показывающее ихъ съ темной, позорной стороны. Изъ многихъ темъ, которыя авторъ перебиралъ, чтобы поработать надъ какою нибудь изъ нихъ на пользу общества, одна особенно привлекла его, говоритъ онъ въ введеніи: гнусное сладострастіе, насилія, тунеядство, ненасытное любостяжаніе правителей и власть имущихъ³⁾, ихъ кровавая ненависть и вооруженная месть и многія другія злодѣянія, всюду объявляющіяся по волѣ небесъ⁴⁾ въ ущербъ общественной нравственности, попирающія законы, растлѣвающія доблесть. Онъ видитъ въ этомъ указаніе Фортуны⁵⁾ и берется за перо, ибо нѣтъ дѣла болѣе полезнаго, какъ образумить заблуждающихся, пробудить погрязшихъ въ смертномъ снѣ, укорить пороки и превознести добродѣтель. Дѣлали это и другіе, пространнѣе и лучше, но часто слабый голосъ⁶⁾ дѣйствуетъ сильнѣе грома, и Боккаччьо надѣется

1) Futuram tibi prolem.

2) См. введеніе въ мое указанное выше изданіе.

3) Principum atque praesidentium quorumcumque.

4) Ductu coelestium.

5) Ratus eo me a fortuna deductum.

6) Rudis notula.

о себѣ сами, или о нихъ рассказываетъ авторъ. Яркіе примѣры судьбы и личной вины вызываютъ то или другое общее мѣсто наставительнаго содержанія, и морализаціи отведенны особыя главы, въ ней центръ тяжести; попеременно съ казовыми знаменитостями, о которыхъ говорится подробно, являются, въ отдѣльныхъ главахъ, толпы сѣтующихъ, плачущихъ, сраженныхъ, печальныхъ¹⁾: почти одни перечни именъ; обыкновенно изъ многихъ выдѣляется одинъ, болѣе замѣчательный, которому и посвящается слѣдующая глава.

Первыми являются прародители, едва влача дряхлые, дрожашіе члены²⁾; въ связи съ ихъ грѣхопаденіемъ слѣдующая глава³⁾ направлена противъ ослушанія; время поглотило память о дальнѣйшихъ событіяхъ, потому отъ перваго человѣка авторъ прямо переходитъ къ первому земному царю, Немвроду⁴⁾ и къ нареканіямъ противъ гордыни⁵⁾, къ которымъ возвращается не разъ⁶⁾. Слѣдуютъ: Сатурнъ⁷⁾, какъ всепоглощающее время, далѣе Кадмъ⁸⁾, Иокаста⁹⁾; авторъ готовился ввѣять просьбѣ Тезея и написать о немъ, когда поспѣшно выступилъ злополучный сынъ Пелопса, Тіэстъ: Подожди меня, я не менѣ заслуживаю памяти, чѣмъ Эдипъ и Иокаста, кричитъ онъ и принимается рассказывать о своихъ бѣдствіяхъ и преступленіяхъ брата. Онъ кончалъ, когда со стороны вышелъ, полный ожесточенія, Атрей и рьяно обращаетъ обвиненіе на брата; его рѣчь полна риторическихъ повтореній и противопоставленій,

---

1) *Conventus dolentium* I, 11, *concursum infelicitum* I, 20 и *passim: miseri, flentes, dejecti, calamitosi, tristes, lapsi, excussi, afflicti, dolentes, gementes, revoluti, infortunati, queruli.*

2) I, 1.

3) I, 2.

4) I, 3.

5) I, 4.

6) I, 13; II, 5; IX, 5.

7) I, 5.

8) I, 6.

9) I, 7.

реальныхъ, но не изящныхъ: онъ осквернилъ мое ложе, я—его трапезу (подавъ ему въ кушаньѣ мясо убитыхъ имъ сыновей), онъ зачалъ сыновей въ моей утробѣ, я схоронилъ ихъ въ его собственной, не зная, какъ иначе водворить на прежнее мѣсто несчастное отродье и т. д. Полный негодованія авторъ прекращаетъ безчеловѣчный споръ ¹⁾, чтобы отдать свое вниманіе Тезею, котораго идеализуетъ, какъ въ старые годы въ Тезейдѣ; нѣтъ только прежняго романтическаго освѣщенія; Тезей — не только для Греціи, но и для всего міра «неугасимый свѣточъ философіи», какъ и Аѳины были когда то питомникомъ ²⁾ философовъ, поэтовъ и ораторовъ, вторымъ окомъ Греціи. Стилемъ *De Claris Mulieribus* отзывается извѣстіе, что Прозерпина выдана замужъ за Орка, царя молоссовъ; трагизмъ Тезеевой судьбы сводится къ любви Федры къ пасынку Ипполиту; самъ Тезей виноватъ въ смерти сына, ибо повѣрилъ навѣтамъ жены — и авторъ возстаетъ противъ излишней и поспѣшной довѣрчивости ³⁾, какъ судьба Агамемнона ⁴⁾ вызываетъ похвалы бѣдной долѣ ⁵⁾, рассказъ о Самсонѣ ⁶⁾ выходку противъ женщинъ ⁷⁾. Иные говорятъ что Самсонъ то-же, что Геркулесъ; если-бы я сталъ утверждать, что тому противорѣчу — не знаю, къ чему-бы это повело ⁸⁾, осторожно говорить Боккаччьо. Онъ чувствуетъ усталость и хочетъ остановиться, вотъ почему онъ раздѣлилъ начатый трудъ ⁹⁾ на книги и здѣсь положить конецъ первой. Мы предупреждены далѣе, что раздѣленіе на книги не отвѣчаетъ какому-нибудь отличію содержанія или направленія ¹⁰⁾; Боккаччьо просто поступилъ,

---

1) I, 8.

2) *Altrix*.

3) I, 10.

4) I, 14.

5) I, 15.

6) I, 17.

7) I, 18.

8) *Quod etsi adfirmem contradixisse, nescio quid resultet*, I, 17.

9) I, 19: *Quasi coeptum opus*.

10) *Quantum ad intentionem summariam*.

какъ сравники, намѣчающіе на длинномъ пути извѣстные разстоянія по какому нибудь камню, старому дубу, храму или источнику; это даетъ возможность легче измѣрить пройденный путь, полезно и для предстоящаго. Такъ и Боккаччо намѣренъ отдохнуть, дойдя до чего нибудь особенно замѣчательнаго; такія вѣхи утѣшаютъ и читателя надеждой, помогутъ его памяти¹⁾.— Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ чисто внѣшнимъ приемомъ, авторъ не сдѣлалъ попытки распредѣлить явленія судьбы по какимъ-нибудь общимъ категоріямъ — противодѣйствія или виѣняемости.

Казалось-бы, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, каковы силы Фортуны, какова наша брэнность и обманчивость надежды; но есть люди на столько суетные, что ихъ не потревожатъ и удары грома; для нихъ то полезно умножить примѣры. Такъ начинается Боккаччо свою вторую книгу²⁾, говоря далѣе о Саулѣ³⁾ и послушаніи⁴⁾, о Ровоамѣ⁵⁾ и о вредѣ гордыни⁶⁾; биографія Аталіи⁷⁾ даетъ поводъ къ нападкамъ на немѣренныя желанія⁸⁾ и къ инвективѣ противъ евреевъ: они противны своей перемѣнчивостью, служеніемъ то Богу, то дьяволу; напрасно они винятъ судьбу! Были у нихъ боговдохновенные мужи, но они не виняли имъ и, по Божію попущенію, сами добыли изъ рукъ Фортуны — недолю. Эта ортодоксальная точка зрѣнія еще усилена далѣе въ I. VII 7 и 9: разрушеніе Іерусалима — достойная кара древнихъ и новыхъ преступленій; разсѣяніе народа — праведная месть Господа; они не погибли въ конецъ, и въ наше время влачатъ свое жалкое существованіе, всѣми презираемые и гонимые; держатся своего суевѣрія⁹⁾, и отъ нихъ сто-

---

1) I, 19.

2) См. аналогическое введеніе въ I. IV.

3) I, 1.

4) II, 2.

5) II, 4.

6) II, 5.

7) II, 7.

8) II, 8.

9) Superstitione.

ронятся всё другіе религіозныя толки и исповѣданія ¹⁾. — Эти три главы о евреяхъ освѣщаютъ, по нашему мнѣнію, религіозное міросозерцаніе Боккаччьо въ извѣстной новеллѣ о трехъ кольцахъ ²⁾: ея робкая проповѣдь терпимости перенята виѣстѣ съ схемой и не выражаетъ взглядовъ перескащика.

Слѣдуютъ еще во 2-й книгѣ біографія Дидоны ³⁾ съ такими же похвалами цѣломудрію ⁴⁾, какъ въ *De Claris Mulieribus* ⁵⁾, тогда какъ Сардапалъ ⁶⁾ вызываетъ нареканіе противъ ему подобныхъ ⁷⁾, легенда объ Астиагѣ ⁸⁾ — разсужденіе о значеніи сновъ ⁹⁾, Меттій Суффецій ¹⁰⁾ — порицаніе измѣны ¹¹⁾. Меттій Суффецій опоздалъ (хронологически) на перекличку, и не мудро, шутить Боккаччьо, помѣстивъ его не въ очередь: его размыкали конями, и ему понадобилось не мало времени, чтобы собрать свои — члены.

До сихъ поръ понятіе Фортуны являлось повсюду, тайное и грозное, роковое и невѣсомое. Въ началѣ 3-й книги Боккаччьо дѣлаетъ попытку если не уяснить его себѣ логически, то подойти къ нему со стороны житейской практики. Ему приглянулся образъ странника ¹²⁾; и вотъ, какъ странникъ останавливается порой, чтобы отдохнуть и освѣжиться и утолить жажду, и оглядываясь назадъ, измѣряетъ пройденное пространство, припоминая видѣнные имъ города и рѣки, горы и долины, и какъ бы освобождаясь такимъ образомъ отъ пути ¹³⁾, набирается новыхъ силъ для пред-

1) *Omnibus sectis et religionibus suspecti.*

2) Дек. I, 3; см. выше т. I, стр. 481 слѣд.

3) II, 10.

4) II, 11.

5) См. выше стр. 227.

6) II, 12.

7) II, 13.

8) II, 17.

9) II, 18; см. выше т. I, стр. 522, прим. 2.

10) II, 22.

11) II, 23: *fraus.*

12) I, 19.

13) *Dum toto itineri, quod praeteritum est, se eximunt.*

стоящаго—такъ случилось и съ Боккаччо: онъ также припоминаетъ примѣры судьбы, о которыхъ разсказалъ, и стараясь обобщить ихъ, ставитъ вопросъ: какія причины и поводы вызвали въ томъ или другомъ случаѣ несчастную долю. Всѣ, подвергшіеся ей, накликали ее сами, отвѣчаетъ онъ; такъ говорилъ еще Андалоне ди Негро: наша судьба не въ звѣздахъ, а въ насъ самихъ, и Боккаччо повторяетъ знакомый уже намъ ¹⁾ аполѳгъ своего учителя: о томъ, какъ бѣдная доля, произвольно отказавшаяся отъ благъ Фортуны, побѣдила ее и какъ условіемъ побѣды было, чтобы отнынѣ всякій былъ самъ творцемъ своего несчастія.

Снова проходятъ передъ нами образы людей, сраженныхъ рокомъ: Тарквиній Гордый ²⁾, Аппій Клавдій ³⁾, Алкивіадъ ⁴⁾, слышатся укоризны сладострастнымъ правителямъ ⁵⁾, стяжательнымъ неучамъ-юристамъ ⁶⁾ и защита Алкивіада ⁷⁾, переходящая въ самозащиту поэта.

IV-я и V-я книги представляютъ такое-же чередованіе біографій и морализаціи; введеніе въ VI-ю выводитъ передъ нами образъ Фортуны, не традиціонный образъ женщины съ повязанными глазами, вращающей колесо, какою она является напр. въ Любовномъ Видѣніи ⁸⁾, а болѣе фантастичный и грозный въ своей туманности. Авторъ только что снова взялся за перо, когда предстало страшное чудовище ⁹⁾, Фортуна, правящая всѣми дѣлами смертныхъ ¹⁰⁾. Боже, что у нея за ростъ, что за чудный обликъ! Глаза горять, наводя страхъ, выраженіе лица свирѣпое,

1) См. выше т. I, стр. 78—9.

2) III, 3.

3) III, 9.

4) III, 12.

5) III, 4.

6) III, 10.

7) III, 13.

8) См. выше т. I, стр. 298—9.

9) *Horridum monstrum*.

10) *Rerum mortalium ministra*.

масса волосъ спускается на лицо, у нея, казалось, сто рукъ, одежда разныхъ цвѣтовъ ¹⁾, голось желѣзный; какія у ней ноги, этого нельзя было различить. Между нею и авторомъ происходитъ споръ: мотивъ, уже предвзятый Арриго изъ Сеттимелло ²⁾, котораго Боккаччьо зналъ и упоминаетъ въ письмѣ къ Якову Пидцинге ³⁾. — Авторъ испуганъ, ждетъ, что будетъ, а Фортуна уставилась на него и спрашиваетъ: За какой тщетный трудъ принялся ты, неразумный, отовсюду вызывая и описывая тѣхъ, которыхъ я возвеличила или повергла; точно ты надѣнешься немногими словами объять мою необъятную дѣятельность и тѣмъ обратить на себя вниманіе? Ты трудишься, но понапрасну; неужели не было у тебя другихъ задачъ? — Знаю я, отвѣчаетъ Боккаччьо, что все въ этомъ мірѣ переменчиво, и не моему перу изобразить тебя; если я предпринялъ этотъ трудъ, то для того лишь, чтобъ мое имя не погубило вмѣстѣ съ тѣломъ. Знаю я также, что есть и другія, широкія задачи: раскрыть чудныя дѣла и славу всемогущаго Творца всѣмъ, одинаго и трипостаснаго, разъяснить мудрое устройство природы, безконечность того, что подлежитъ твоей власти ⁴⁾. Это не по мнѣ: нѣтъ у меня крыльевъ, на которыхъ я могъ бы взлетѣть на небо, чтобы выпытать тайны Божества и повѣдать ихъ людямъ; если бы мнѣ и довелось это, по милости Божьей, то нѣтъ у меня торжественности слова, вѣскости изреченій, чтобы, при желаніи, передать все это потомству; сознаюсь откровенно, у меня и умъ не на столько сильный ⁵⁾, чтобы проникнуть до причинъ сущаго ⁶⁾. Мнѣ оставалось одно: почерпнуть немного, по силамъ, въ твоемъ лонѣ, полномъ человѣческихъ дѣлъ ⁷⁾; вѣда почерпали же тамъ другіе — сюжеты пѣснопѣвій и историческихъ

---

1) *Varia vestis.*

2) *Elegia de diversitate fortunae et pholosophiae consolatione.*

3) Сл. выше стр. 77.

4) *Infinita ad jus tuum spectantia.*

5) *Perspicax.*

6) *Ut rerum causas attingere possim.*

7) *In gremium tuum humanarum rerum confertissimum.*

повѣствованій. Ты порицаешь меня за низость стила ¹⁾, который не подѣйствуетъ на сердца; я же думаю, что именно такимъ стилемъ я буду полезна; опыть говорить за меня: кони часто повинуются легкимъ ударамъ, отъ сильныхъ пятаются, Ахилла смягчили ласковыя рѣчи, не негодование Агамемнона. — И Боккаччо молить Фортуна — благопріятствовать его труду, дабы его, пока незвѣстное имя, озарилось ея сіяніемъ и такъ дошло до потомства. — Фортуна видимо смягчилась и говоритъ, улыбаясь: Вы не въ состояніи проникнуть въ тайны моихъ намѣреній, потому и зовете меня неумолимой, безразсудной, изображаете слѣпой; это васъ ослѣпляетъ вожделѣніе. Ты въ это не вѣришь, хотя и говоришь другое; помню я, какую позорною бранью и проклятіями ты поносишь меня когда-то, величая неразумной, слѣпой, завистливой, убійцей, враждебной, мачехой — все за то, что я еще не исполнила твоихъ неразумныхъ желаній. Больнѣе всего было мнѣ, что ты смѣлся при разсказѣ, какъ я побѣждена была Нищетой, — а теперь хочешь провести меня льстивою рѣчью, какъ неопытную дѣвчонку. Знаю я, какого ты обо мнѣ мнѣнія; но каково бы оно ни было, ты дѣятеленъ и не косеешь духомъ ²⁾ и всѣми силами стремишься къ славѣ, этимъ ты поколебалъ меня и заставилъ измѣнить мое рѣшеніе; продолжай же дѣятельно начатое, въ моемъ поощреніи не будетъ недостатка ³⁾, и твой Чертальдо и твое имя упомянуты со славою на ряду съ древними. — Фортуна хочетъ тотчасъ-же проявить ему свою помощь: она знаетъ, что Боккаччо недоумѣваетъ, кого ему вызвать изъ многихъ предстоявшихъ несчастныхъ — и сама выводитъ передъ нимъ Марія, Митридата, Орода, царя пареянскаго, Помпея. Съ ними явился нѣкто съ благодушнымъ, почтенымъ выраженіемъ лица, тронутаго тихой грустью, степенной осанки;

---

1) *Nimia styli humilitate.*

2) *Non inertis atque dejecti animi.*

3) *Cum jam ingenium opusque commendem tuum, dum solers coepta sequaris, orationi tuae favor non deerit meus.*

Боккаччьо какъ будто признаеть его ¹⁾, но Фортуна его предупредила: это величайшій, славный между питомцами философіи мужъ, вождь римскаго краснорѣчія ²⁾, Туллій Цицеронъ; я ничего не скажу о его славі и бѣдствіяхъ, довольная тѣмъ, что показала его тебѣ. Берись же за перо.—Сказавъ это, она исчезла.

Авторъ вачинаеть съ Марія ³⁾, вызывающаго у него размышленія о значеніи благородства ⁴⁾, и кончилъ бы книгу Цицерономъ, еслибъ новые сѣтующіе не задержали его ⁵⁾. Цицеронъ выступаетъ молча, сконивъ голову; Боккаччьо смотритъ на него съ изумленіемъ, имъ овладѣло сознаніе своего безсилія: ему ли писать о немъ! Но онъ ободряеть себя: вѣдь облако не затемняетъ же солнечныхъ лучей, мой низменный стиль выставитъ его въ большемъ блескѣ; чего не доскажу, то доскажутъ другіе, болѣе меня свѣдущіе; можетъ быть, и самъ онъ вдохновитъ меня изъ таинственной обители, гдѣ теперь пребываетъ — и ты напишешь лучше, чѣмъ ожидаешь. Съ этой оговоркой ⁶⁾ Боккаччьо приступаетъ къ біографіи Цицерона ⁷⁾, минуя политика и чело-вѣка, преклоняясь передъ философомъ и ораторомъ, затмившимъ, по признанію самихъ Аѳинянъ, не только Пизистрата и Перикла, но самого Платона, Эсхила (Эсхина?) и Демосеена. Такова была сила его краснорѣчія, что онъ склонялъ имъ, куда хотѣлъ, самые неподатливые умы; разумѣется, вполне судить мы о томъ не можемъ, мы читаемъ его, не слышимъ и, говоря словами другого ⁸⁾, въ Тулліи недостаетъ лучшей части его самого. — Къ этому панегирику естественно примыкала ⁹⁾ защита ораторскаго искусства и реторики противъ тѣхъ, которые, желая побить ее ея-же

1) Metuenti mihi, si forte cognoscerem.

2) Romani princeps eloquii.

3) VI, 2.

4) VI, 3.

5) VI, 14, 15.

6) VI, 11.

7) VI, 12.

8) Ut alienis utar verbis.

9) VI, 13.

оружіемъ, утверждаютъ, будто она служила обману, не потребности; защита переходитъ въ концѣ въ горячее восхваленіе человѣческаго слова, какъ орудія культуры, которое подобаешь блюсти и изощрить ¹⁾).

Въ началѣ VII-й книги авторъ усталъ отъ работы; желаніе покоя сладко объяло его всего: не поостережешься и заснешь, это я недавно испыталъ, говоритъ онъ себѣ ²⁾, но жалобы сѣтующихъ будятъ его ³⁾. Перебранка Тиберія и Калигулы съ Мессалиной поражаетъ его слухъ: она напоминаетъ споръ Тіэста съ Атреемъ ⁴⁾, но написана рельефнѣе, авторъ не поспешилъ на грязь, какъ да-лѣе ⁵⁾ реалистически изображаетъ послѣдствія обжорства. Тиберій и Калигула выступаютъ печальные, но, увидѣвъ въ числѣ сѣтующихъ Мессалину, забыли, зачѣмъ пришли, и нападаютъ на нее, попрекая: Ты все та-же распутница, чтò, бывало, въ одну ночь отда-валась нѣсколькимъ мужчинамъ и, поѣдая, переодѣтая, укромные уголки ⁶⁾, выходила послѣдней, усталая, но неудовлетворенная! И теперь, завидѣвъ толпу, ты пошла вслѣдъ, надѣясь встрѣтить своихъ любовниковъ! Но вѣдь здѣсь обитель страданій, не сладострастья, ненасытная ты утроба! — Она отвѣчаетъ смѣлѣе и откровеннѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ такой женщины: Знаю я, что это за мѣсто, и кто сюда приходитъ; я явилась сюда, чтобы оплакать мою судьбу, но вижу, вы также печальны и разстались съ жизнью, не менѣе меня запятанные, и я пока не плачу, и мнѣ какъ будто легче. Да, скажу я, хотя-бы и пришлось покраснѣть: я была сладострастна, похотлива; грѣшно это, но есть тому и нѣкоторыя извиненія. Помню я, что когда отецъ мой допрашивалъ астро-лога ⁷⁾ о моемъ рожденіи, тотъ отвѣтилъ: когда рождалась твоя

1) См. выше т. I, стр. 228 и De Clar. Mul. с. 25; см. выше стр. 494—5.

2) Ut nisi quis caveat, facile in torporem alligetur. Quid quidem et ego nuper expertus sum.

3) VII, 1.

4) I, 8.

5) VII, 6.

6) Cellulae.

7) Mathematicum.

Мессалина, двойное отродье Латоны поднималось из преисподней къ созвѣздію Лиры, а за нимъ слѣдовалъ, считая его враждебнымъ Оріону, Атлантиадъ (Меркурій), тогда какъ средину неба держала Китерея съ зіяющей главой Дракона и Марсомъ, небесный круговоротъ уносилъ въ глухую ночь Юпитера съ его Рыбами и несчастнаго старца (Сатурна?) съ Ганимедомъ, и отъ вліянія всего этого, казалось, весь воздухъ вожделѣлъ Венеры ¹⁾. Подъ наитіемъ неба ²⁾ я родилась, какою есть; это порокъ гнусный, но естественный; если иные утверждаютъ, что его можно побороть мужественно, то слабой женщиной послужить извиненіемъ Алкидъ: и онъ былъ сильнѣе раменами, чѣмъ духомъ ³⁾. Если бы меня попрекали Сципіонъ Африканскій или Маркъ Катонъ, а я выдавала бы себя за Сульпицію или супругу Оргіагонта или древнюю Лукрецію—я бы смолчала; вамъ я могу вернуть ваши попреки.— И она принимается рассказывать объ ихъ мерзостяхъ, жестокости, издѣвается надъ Калигулой, требовавшемъ себѣ божескихъ почестей. Куда угодили вы по смерти? спрашиваетъ она; вѣдь для васъ мало Флегетона и стигійскаго болота ⁴⁾, Фурии и Плутонъ вами гнушаются ⁵⁾, вашъ видъ противенъ всему Тартару.— Она говорила это быстро, не прерываясь, и Боккаччьо слушаетъ ее, наостривъ уши ⁶⁾, не только безъ скуки, но и съ великимъ удовольствіемъ, тогда какъ оба императора, смущенные и молчаливые, собираются уходить. Въ это время является чудовище свѣта ⁷⁾, Неронъ, какъ бы принуждая памятью о своихъ

1) *Gemina Latonae proles in nostrum Chelis detenta surgebat ab infero, quam hostem tenens Orionis Atlantiades sequebatur, coelumque medium hiulco Draconis capiti Martique suo juncta Cytherea tenebat, et suis in Piscibus Jovem atque infelicem cum Ganimede Senem coeli vertigo in noctem profundissimam rapiebat, quibus agentibus omnis aetherea compago ruere videbatur in Venerem.*

2) *Coelo igitur urgenti.*

3) *Cui etsi illud humeris sustentare concessum sit, viribus tamen superare negatum est.*

4) *Palus.*

5) *Abominabiles estis.*

6) *Elevatis . . . auribus.*

7) *Orbis monstrum.*

злудѣніяхъ забыть всё остальные—и Боккаччо рассказываетъ о немъ ¹⁾, припоминая знакомыя Байи, гигантскія статуи, вылитыя по приказанію императора, обломки которыхъ еще сохранились ²⁾—и пожаръ Рима, которымъ любитъ Неронъ, воспѣвая «взятіе Иліона» ³⁾.

Введеніе въ VIII-ю книгу тѣсно связывается съ началомъ VII-й. Тамъ авторъ говорилъ о своей усталости и желаніи покоя; извѣстно, что излишній покой тѣла враждебенъ уму, повторяетъ онъ теперь. Это я часто испыталъ по своей лѣни ⁴⁾, но на этотъ разъ дѣло приняло почти трагическій оборотъ ⁵⁾. Отпустивъ вожжи и съ наслажденіемъ ⁶⁾ отдаваясь полнѣйшему бездѣлю, я впалъ въ столь глубокое безпамятство ⁷⁾, что самъ себѣ, не только другимъ, казался мертвецомъ. Если порой, вострепнувшись, я вспоминалъ о начатой работѣ, тотчасъ-же сдавался снова и простертый, разслабленный ⁸⁾, говорилъ себѣ: Къ чему, безразсудный, мучаешься ты въ потѣ лица? Зачѣмъ неустанно предаешься работѣ, перелистывая писанія древнихъ? Ты хочешь вынудить себѣ славу, продлить память твоего имени, но что толку въ томъ, что твое имя будетъ памятно по смерти; вѣдь не одинъ ты его носишь, или будешь носить его, въ такомъ случаѣ ты трудишься столько же для другихъ, сколько для себя—а ты могъ бы спокойно себѣ тунеядствовать ⁹⁾. — Такія и подобныя мысли подсказывала мнѣ моя косность ¹⁰⁾, и на половину побѣжденный ею, скорѣе совѣтъ пораженный, я снова опустилъ на подушку голову, которую передъ

---

1) VII, 4.

2) Ex quibus adhuc nonnulla videntur fragmenta.

3) Halosim Ilii.

4) Ignavia mea.

5) Letiferum.

6) Avidus.

7) Soporem.

8) Marcidus.

9) Ignave quiescere.

10) Desidia.

тѣмъ приподнялъ, подпершись рукою, когда вдругъ, неизвѣстно откуда явившись, мнѣ предсталъ мужъ скромной наружности, съ красивымъ, вѣжно-матовымъ лицомъ ¹⁾, зеленымъ лавромъ на головѣ; на немъ царственная мантия, онъ внушалъ уваженіе. Боккаччо узнаетъ въ немъ Петрарку, своего дорогаго, почтеннаго учителя, наставленія котораго всегда были ему побужденіемъ къ добродѣтели, котораго съ юности онъ чтилъ выше всѣхъ другихъ. Увидѣвъ его, онъ покраснѣлъ, въ сознаніи своей виновности, а Петрарка, посмотрѣвъ на него строго ²⁾, начинаетъ говорить. Онъ наставляетъ Боккаччо дружелюбно и серьезно; на это у него есть право: онъ вѣнчанный поэтъ, въ лаврахъ и мантии, подаренной ему королемъ Робертомъ для торжественнаго акта на Капитоліи; въ самой рѣчи его къ Боккаччо, въ побужденіяхъ къ славѣ, есть отзвуки вѣнчальной капитолійской рѣчи. — Чего лежишь ты, прелестный профессоръ тунеядства? ³⁾. Чего косишься, прислушиваясь къ обманчивымъ убѣжденіямъ бездѣлья? — Боккаччо смущенно опустилъ глаза, ждетъ, что тотъ скажетъ. — Ужь не я-ли моими поученіями такъ затемнилъ твой умъ, что ты предпочитаешь покой труду? Я вѣдь всегда утверждалъ противное. Или ты забылъ, что человѣкъ рождается для труда? Ты началъ дѣло, уже близокъ къ цѣли и остановился, совращенный безразсудной лѣнью. А дабы ты болѣе не отдавался ея обману, выслушай, что я тебѣ скажу. Ты недавно осудилъ славу—благо, къ которому стремятся всѣ люди; ищутъ ее на разныхъ путяхъ, но къ ней одинъ лишь путь—добродѣтель ⁴⁾; кто ее осуждаетъ, осуждаетъ и славу. Слава, дарованная небомъ ⁵⁾, освѣщаетъ имена тѣхъ, кто ее заслужилъ, и несетъ ихъ на окраины земли, тогда какъ имена косныхъ погрязли во мракѣ; души умершихъ она точно по торному пути ведетъ въ небо, въ

---

1) *Venusta facie et miti placidoque pallore conspicua.*

2) *Acriori vultu.*

3) *Otiorum professor egregie.*

4) *Virtutem.*

5) *Divino munere.*

сіяніи; она расширяетъ предѣлы кратковременной человѣческой жизни, побѣждаетъ смерть, и постоянно питаясь людскою молвою, умаляется развѣ съ теченіемъ долгихъ вѣковъ, уступая всепожирающему времени. Такъ дошли до насъ имена Нина, Авраама, Моисея, Гомера, Аристотеля, Сципіона и Катонъ, вѣчно юныя; прославляя ихъ, мы ощущаемъ удовольствіе въ сознаніи, что воздаваемое имъ мы можемъ заслужить и сами своимъ трудомъ; надѣясь на это, мы предвкушаемъ будущую славу. Кто считаетъ это маловажнымъ, тотъ самъ себя не цѣнитъ ¹⁾. Иеронимъ и Августинъ и другіе святые мужи предприняли свои труды въ чаяніи вѣчной славы, но я увѣренъ, что ихъ влекло и желаніе земной, ибо намъ прирожденъ стимулъ, заставляющій насъ денно и нощно стремиться путемъ доблестныхъ дѣлъ къ отлѣчию ²⁾; отъ него не освободиться, еслибы и захотѣть. Вотъ почему тѣ мужи полагали столько заботы на достоинства рѣчи и стила — не для украшеніе божьяго устроенія ³⁾, которое въ нихъ не нуждается, а дабы такимъ образомъ всюду распространить и прославить свое имя. Этой надеждой утѣшались древніе, утѣшаемся и мы, вѣруя, что честно добытое имя ⁴⁾ приноситъ нѣкое, хотя мы еще и не знаемъ, какое утѣшеніе ⁵⁾ душѣ, еслибы за другія заслуги она уже и обрѣла себѣ долю на небѣ. Древніе именитые люди увѣковѣчивали себя въ мраморѣ и бронзѣ; почему не дѣлать намъ того же? Вѣдь малодушіемъ было бы предпочесть—разрушиться вмѣстѣ съ тѣломъ, чѣмъ продолжать существовать подъ охраной извѣстности ⁶⁾. И такъ славой нельзя пренебрегать, попирая ее бездѣльемъ, считая чѣмъ то пустымъ и лишнимъ, а слѣдуетъ всѣми силами стремиться къ ней во имя Господа ⁷⁾, ибо умножая

1) Quod si quis parum apud mortales existimet, sui profecto non satis compos est.

2) Fulgorem.

3) Ad decorem divinarum operum.

4) Bene quaesitum.

5) Dulcedinem.

6) Celebri perpetuari custodia.

7) Propter Deum.

достойными дѣлами его славу, ты обрѣтешь въ немъ подателя милостей. — Сказалъ ты и еще пѣчто потѣшное: что твое имя могутъ носить или носятъ многіе. Но что же можетъ быть противоположнаѣ любви? ¹⁾, какъ не зависть къ счастью другихъ? Всякому свое, и тѣ другіе могутъ стать извѣстными, какъ и ты. Слава, это всѣмъ желанное благо, простирается и на прошедшее, продолжаетъ Петрарка совѣтовать біографу: горбрыхъ, хромыхъ, калѣкъ она являетъ потомству красивыми, блестящими, величавыми ²⁾; постарайся, коли можешь, не преувеличить изображаемыхъ тобою, развѣ такъ, какъ мы выдѣляемъ изъ Сципіоновъ — Африканскаго, изъ Катоновъ Цензорина, изъ Квинціевъ Цинцинната, изъ стойковъ Платона, изъ перипатетиковъ Аристотеля, изъ поэтовъ Гомера или Марона — добавляя нѣчто къ ихъ достоинству, не измышляя, а украшая словомъ ³⁾. Если въ памяти смертныхъ и утратился-бы чей-либо настоящій образъ, онъ не утратится передъ лицомъ Господа, во славу котораго надлежитъ трудиться; блаженъ тотъ, кто вернетъ вдвойнѣ врученный ему талантъ. И такъ надо дѣлать, работать, изо всѣхъ силъ напрягать умъ, дабы выдѣлиться изъ толпы, послужить потомству, чѣмъ предки послужили намъ, дабы наше имя и слава прошли къ безсмертію и о насъ сказали бы, что въ земномъ странствованіи мы работали Богу, а не порокамъ. — Я могъ бы обратиться къ тебѣ и съ болѣе суровымъ укоромъ, заключаетъ Петрарка, но суровость нерѣдко дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, я и предпочелъ болѣе мягкія рѣчи. И такъ, не коснѣй и примись за продолженіе труда, коли не боишься моего гнѣва и бичеванія.

Кончилъ свою рѣчь мужъ, славнѣйшій изъ нашихъ современниковъ, я-же, памятуя, что никто болѣе его не отдавалъ своего

---

1) *Charitati.*

2) *Augustosque.*

3) *Voce aliud dignum, non fingendo, dignitati superaddimus aliquid phantasiae.*

времени труду, глубоко пораженный правдивостью его укоровъ, не рѣшался поднять на него глаза, а скорбѣлъ втихомолку, желая, чтобы онъ чѣмъ-нибудь меня ободрилъ. Онъ какъ-бы угадалъ меня, негодование исчезло съ его лица, въ глазахъ явилась улыбка: Ты смущень, другъ мой, это доказательство, что ты очистился отъ малодушія; этого достаточно, даже много. Встань же, не отчаявайся въ моемъ благодушіи и не давай себя увлечь ложными убѣжденіями. — При этихъ рѣчахъ я воспрянулъ духомъ, хотя краска стыда еще не сходила съ лица, хотѣлъ было взять на учителя, но онъ уже исчезъ.

Боккаччо снова принимается за дѣло, переходя отъ біографій императоровъ ¹⁾ и ихъ современниковъ къ Радагайсу, скиоу родомъ и царю готовъ ²⁾ и Одоакру ³⁾, въ связи съ чѣмъ стоитъ сѣтованіе о современномъ упадкѣ Рима, когда-то властителя міра, теперь опустѣвшаго, покинутаго папами и императорами ⁴⁾, предоставленнаго врагамъ, сохранившаго развалины великолѣпныхъ памятниковъ древности болѣе въ укоръ нашему времени, чѣмъ въ память прежней славы ⁵⁾. Именно слава Артура и его Круглаго Стола, перешедшаго въ народное повѣрье ⁶⁾, побудила Боккаччо заняться легендой о немъ, хотя бы и мало достоверной съ исторической точки зрѣнія ⁷⁾: онъ рассказываетъ о войнѣ Артура съ консуломъ Луціемъ, о его борьбѣ съ сыномъ, о его смерти и надеждахъ британцевъ, что онъ еще вернется. Все это наводитъ на размышленіе о святости сыновняго чувства ⁸⁾.

Я не забылъ, какъ пристыдилъ меня мой достохвальный на-

1) Сл. гл. VIII, 11: объ Юліанѣ и противъ кощунствующихъ, съ замѣткой, что Юліанъ занимался магіей, какъ полагаютъ иные.

2) VIII, 14.

3) VIII, 16: De Odoacre rutheno italarum rege.

4) A principibus derelictum . . . divinis humanisque privata.

5) VIII, 17.

6) In vulgi fabulam versa.

7) VIII, 19.

8) VIII, 20; сл. IX, 17: панегирикъ отеческой любви.

ставникъ, и хотя отдыхъ не отвѣтилъ желанію¹⁾, рьяно стремлюсь къ положенной цѣли. Такъ начинается IX-ая книга. Въ біографіи Брунгильды²⁾ Боккаччѣо прибѣгнувъ къ новому стилистическому приему: борьба критика, историка съ его источниками представлена въ видѣ спора автора съ историческимъ лицомъ, дающимъ сомнительныя о себѣ показанія. Является демоническая женщина³⁾, простоволосая, плачущая: Не забудь меня, повѣйшій изыскатель⁴⁾ старыхъ бѣдъ; ты, чай, пренебрегаешь мною, какъ женщиной⁵⁾, но на этихъ волосахъ возлежалъ царскій вѣнецъ; я Брунгильда, когда-то королева франковъ, и не хуже Арсиной⁶⁾, Клеопатры⁷⁾, Розамунды⁸⁾. — Но я не знаю твоей судьбы, въ первый разъ слышу твое имя! Повѣрить-ли мнѣ тебѣ? Съ юности я знаю, что женщины лживы⁹⁾, развѣ съ вѣнцомъ ты измѣнила своему полу? Чѣмъ, наконецъ, поможетъ тебѣ мое перо, когда тебѣ скорѣй слѣдовало-бы желать забвенія? — Но она проситъ написать въ порицаніе тѣхъ, которые такъ безчеловѣчно обошлись съ матерью короля. Она рассказываетъ, Боккаччѣо пишетъ, постоянно прерывая ее и поправляя: Это не такъ, я слышалъ это иначе, ты сама виновата. Брунгильда дивится: Еще недавно ты меня не зналъ, а теперь сталъ моимъ судьей! Сознаюсь, заключаетъ Боккаччѣо, что моя свидѣтельница не заслуживаетъ особаго довѣрія; такъ онъ освобождаетъ себя отъ ответственности, если бы что оказалось неточнымъ.

Мы въ новой исторіи. Ромильда, герцогиня Форли, жестоко наказана за свою похотливость¹⁰⁾, являются лонгобарды, похожіе

---

1) Pro voluptatis desiderio.

2) IX, 1.

3) Immo daemon.

4) Eviscerator.

5) Mulierculam.

6) IV, 13.

7) VI, 4.

8) VIII, 22.

9) Bilingues.

10) IX, 2.

видомъ на скомороховъ въ личинахъ ¹⁾); судьба императора Арнульфа, погибшаго отъ отвратительнаго недуга, даетъ поводъ къ игрѣ противоположеній, неэстетическихъ въ своей настойчивости: императорскаго величія — и императорскаго тѣла, съѣденнаго вшами ²⁾). Разсказъ о папессѣ Іоаннѣ ³⁾ повторяетъ, въ нѣсколько иной редакціи, главу изъ *De Clavis Mulieribus*; Боккаччо не прочь былъ бы распространиться о современныхъ папахъ, но помнитъ читанное имъ когда-то въ Священномъ писаніи: не трогайте моихъ помазанныхъ ⁴⁾). Неистовства и развратъ Андроника доводятъ его до позорной казни на висѣлицѣ; Боккаччо не щадитъ здѣсь красокъ ⁵⁾), и его воззваніе къ жестокимъ и сластолюбцамъ ⁶⁾ проникнуто грубоватой, похоронной ироніей: Ну что-же, вѣнчайтесь миртомъ, оглашайте воздухъ пѣснями, принимайте вашего триумфатора Андроника, облеченнаго въ одежды благого, великаго Юпитера, увѣнчанныя цвѣтами! Принесите жертвы Венерѣ ⁷⁾), устилайте свой путь трупами. Вонъ онъ гдѣ, высоко, попираетъ ногами воздухъ ⁸⁾: вытянувъ шею, смотритъ на звѣзды и, чай, молитъ небожителей ⁹⁾ упрочить крѣпость висѣлицы, чтобы его тѣло какъ нибудь не разбилось. Поучитесь на Андроникѣ; левъ боится собаки, если вѣрить физиологамъ ¹⁰⁾); мы жестокосердѣе животныхъ, если судьба императора, дошедшаго до позорной казни, не заставитъ одуматься насъ, земныхъ червей.

Отъ Вильгельма I-го сицилійскаго и Констанціи, дочери Ро-

1) *Ludentes larvatos*, IX, 3.

2) IX, 5.

3) IX, 7.

4) *Nolete tangere Christos meos*, IX, 8.

5) IX, 11.

6) IX, 12.

7) *Currus et eximios dicite Veneri*.

8) *Aërem calce premit*; сл. Дек. II, 2: давать пинка вѣтру.

9) *Superos*.

10) *Phisologis*.

жера I¹⁾) мы переходимъ къ свевскимъ императорамъ²⁾, отрицательное отношеніе къ которымъ намъ извѣстно³⁾; за то подняты анжуйцы и французскій королевскій домъ сіяетъ надъ другими, какъ солнце среди звѣздъ. Карль I-й, король Сициліи и Іерусалима, выступаетъ не какъ другіе: не склонивъ голову, не въ слезахъ и не въ печальной одеждѣ, а мужественно и прямо, точно попирая враждебную судьбу⁴⁾. Сужденіе о немъ симпатично, только казнь Конрадина набросила на него тѣнь⁵⁾; при Тальякоццо онъ побѣдилъ не столько своею храбростью, сколько благодаря мужеству стараго Аларда⁶⁾; сообщается слухъ, будто-бы самъ король наложилъ на себя руки, и, какъ у Петрарки⁷⁾, Джьованни изъ Прочиды поднимаетъ сицилійцевъ, оскорбленный въ чести своей жены. Неподдѣльной симпатіей дышетъ рассказъ о дѣлѣ храмовниковъ⁸⁾; правда, они утратили прежнюю чистоту нравовъ и военную доблесть, но пострадали не по дѣламъ; вина падаетъ на короля Филиппа; они были казнены послѣ долгаго, хотя пустяшнаго разслѣдованія, но ни пытки, ни просьбы друзей не побудили ихъ повиниться въ небывалыхъ проступкахъ, минутная слабость магистра ордена, Якова де Молэ, и нѣсколькихъ его товарищей, которые позволили склонить себя къ сознанию, искуплена была ихъ всенароднымъ, героическимъ заявленіемъ, что они достойны смерти, но не за грѣхи, которые на нихъ взводятъ, а за то, что, совращенные уговорами папы и короля, они запятнали свой орденъ. Такъ жестокимъ ударомъ судьбы тотъ, кто еще недавно своимъ царственнымъ блескомъ возбуждалъ зависть величайшаго короля, не только очутился простымъ гражданиномъ, но даже

---

1) IX, 14; сл. выше стр. 222.

2) IX, 16: о римскомъ королѣ Генрихѣ, сынѣ Фридриха I; IX, 17: Фридрихъ II, Манфредъ, его братъ Генрихъ.

3) Сл. выше стр. 149—150.

4) IX, 18.

5) Non absque infamia IX, 19.

6) Сл. Dante Inferno 28, vv. 17—18.

7) Itin. Syriacum, у Lumbroso, l. c. стр. 34.

8) IX, 21.

въ несчастныхъ вызвалъ состраданіе. Это разсказывалъ мнѣ отецъ мой, Боккаччо, купецъ, жившій тогда въ Парижѣ, честнымъ трудомъ умножая свое достоиніе, и бывшій при томъ дѣлѣ. Что такое героизмъ древнихъ въ сравненіи съ этимъ, спрашиваетъ авторъ ¹⁾: Теодора, замученнаго тиранномъ Иеронимомъ, Анаксарха, выплюнувшего свой языкъ въ лицо Никокреонту, Муція Сцеволы? Они умирали особнякомъ, всякій за свое убѣжденіе; здѣсь-же толпа людей, сошедшихся изъ разныхъ мѣстъ, не знающихъ другъ друга, умираетъ единодушно: единодушными, ихъ сдѣлала истина; ихъ доблесть — *patientia*: твердость духа.

Въ толпѣ несчастныхъ, снова являющихся на очередь, Боккаччо видитъ Данте Алигьери, великаго поэта ²⁾; лицо его внушительно и исполнено твердости ³⁾; авторъ хочетъ восхвалять его и, поднявшись ему на встрѣчу, говоритъ: Зачѣмъ, о великая краса нашего города, по праву почтенный въ этомъ сонмѣ сѣтующихъ, влачишь ты по прежнему благодушно ⁴⁾ свои стопы? Не желаешь-ли, чтобы я написалъ о твоёмъ отечествѣ и славномъ родѣ, о твоихъ твореніяхъ, трудномъ бѣгствѣ и долгомъ изгнаніи и наконецъ о кончинѣ среди чуждыхъ холмовъ? ⁵⁾ Но ты знаешь, дорогой мой отецъ, какъ слабы мои силы для такой пошл. — Перестань, сынъ мой, такъ величать, такъ защищать меня ⁶⁾; я знаю твои способности ⁷⁾ и знаю, чего я заслуживаю. Но не то у меня теперь на умѣ, что ты думаешь, и не затѣмъ я пришелъ, чтобы ты описалъ меня, сраженнаго судьбою, но негодую на малодушіе ⁸⁾ нашихъ гражданъ, я явился показать тебѣ того, кто учинилъ имъ вѣчный позоръ. Не опускай его, если ты

---

1) IX, 22.

2) *Poëtam insignem.*

3) *Patientia.*

4) *Mansuetudine veteri.*

5) *Collo sub alieno.*

6) *Tam affluenter in laudes meas effundere verba et te caussa partium mearum ostendere?*

7) *Ingenium.*

8) *Secordiam.*

считаешь себя чѣмъ-либо обязаннымъ мнѣ ¹⁾, опиши того, что шествуетъ за мною, домашнюю язву, неискупимый позоръ флорентинскаго имени, расскажи о его нравахъ и паденіи, дабы потомки узнали, кого изгоняютъ твои сограждане и кого принимаютъ.

Боккаччо хотѣлъ было отвѣтить, но Данте уже нѣтъ; авторъ видитъ новаго пришельца, въ которомъ узнаетъ ²⁾ Вальтера, герцога афинскаго, когда-то гибельнаго тиранна Флоренціи. Онъ шествуетъ тихо, опутивъ голову и склонивъ глаза, такой печальный, убитый духомъ и силами, что въ немъ не признать того, кого видѣлъ ³⁾. Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ ⁴⁾, какъ онъ первый осмѣлился коварно попрасть свободныя выи флорентійцевъ! — Слѣдующая за тѣмъ біографія Вальтера ⁵⁾, полная взятаго муниципальнаго демократизма, не даромъ поставлена подъ эгидой Данте; она написана страстно и реторично, по Виллани, старымъ впечатлѣніямъ ⁶⁾ и слухамъ: Вальтеръ, *какъ говорятъ*, погибъ въ битвѣ при Пуатье отъ руки флорентійцевъ. Это было красиво: онъ пролилъ кровь флорентійцевъ, судьба покарала его тѣмъ-же орудіемъ.

За королями и именитыми мужами выходитъ женщина изъ народа, знакомая намъ Филиппа изъ Катаніи ⁷⁾. Боккаччо находить нужнымъ извиняться за эту дисгармонію ⁸⁾, хотя и ранѣе у него являлись на сцену рабы, простые люди, проходимцы ⁹⁾. Какъ и въ *De Claris Mulieribus*, такъ и здѣсь, онъ имѣлъ въ виду славныхъ, не только родовитыхъ ¹⁰⁾; кромѣ того онъ искалъ

1) *Si quid mihi debes.*

2) *Adverti novique.*

3) *Ut non eum dicas, quem videras.*

4) *O quam mutatus ab illo.*

5) IX, 24; сл. выше т. I, стр. 178 слѣд.; II, 163.

6) *Quam videras IX, 23; сл. 24; quem cum suis omnibus dixisses facile in sanguinem inermium ruiturum.*

7) Сл. выше т. I, стр. 371—2, 375, 382.

8) IX, 25.

9) Сл. V, 14, 15, 18.

10) *Claros non nobiles . . . tantum.*

и нѣкоего соотвѣтствіа: какъ его герои, начавъ со счастья, кончаютъ несчастіемъ, такъ его книга, начинавшаяся съ благороднѣйшаго изъ мужей, Адама, кончается безродной ¹⁾ женщиной изъ плебса. Это такая же игра въ реторизмъ, какъ въ *De Clavis Mulieribus*, гдѣ Евва и королева Джьованна противопоставлены другъ другу ²⁾. — Къ тому-же, продолжаетъ Боккаччо, судьба Филиппы мало кому извѣстна, о ней нельзя узнать изъ писаній, а лишь изъ рассказовъ ³⁾; самъ онъ кое о чемъ слышалъ, иное видѣлъ собственными глазами; за послѣднее онъ отвѣчаетъ, что до перваго, то еслибы объявилось что-либо болѣе правдивое, его внимать не слѣдуетъ, ибо онъ посылно искалъ истины. Когда еще юношей ⁴⁾ онъ вращался при дворѣ короля Роберта, онъ зналъ двухъ стариковъ: Марина Булгаро съ Искіи ⁵⁾, человѣка храбраго, обладавшаго громадною памятью, съ юности искуснѣйшаго въ морскомъ дѣлѣ, и калабрійца Константина де Рокка, почтеннаго какъ по лѣтамъ, такъ и по достоинствамъ; имъ знакомы были древніе роды и гербы придворныхъ ⁶⁾, они и рассказали ему о прежнихъ судьбахъ Филиппы до ея выхода замужъ за эюіона Раймунда и повышенія его въ рыцари. — Маринъ Булгаро, вѣроятно, тождественъ съ Мариномъ Болгаро повеллы Декамерона V, 6, героиней которой является его дочь, Реститута. — Далѣе Боккаччо рассказываетъ о томъ, чего самъ чуть не видѣлъ, чего былъ почти свидѣтелемъ ⁷⁾: о возраставшемъ вліяніи Филиппы, смерти Роберта и началѣ распрей между Джьованной и мужемъ — и убійствѣ Андрея. Рассказъ видимо сдержанный въ подробностяхъ, которыя могли бы насъ особенно заинтересовать: кто были убійцы и какимъ образомъ совершилось убійство,

---

1) Degenerem.

2) См. выше стр. 218.

3) Nec ex literis, sed relativity.

4) Adulescentulo.

5) Origine Issulanus; въ друг. изд.: sclavus.

6) Antiquitates seu stemmata curialium recensentes.

7) Quae fere viderim ipse.

это — не къ дѣлу ¹⁾); графу Гуго Авеллино поручено было разслѣдовать преступленіе; онъ заключилъ въ тюрьму нѣсколько лицъ, между прочимъ Филиппу, по какимъ соображеніямъ — не знаю; добились-ли отъ нихъ чего-либо пыткой — неизвѣстно; въ ихъ виновность вѣрили ²⁾), и они казнены.

Въ новомъ сонмѣ жалующихся ³⁾ является и французскій король Іоаннъ, пораженный самымъ недѣятельнымъ, трусливымъ и немужественнымъ въ свѣтѣ народомъ ⁴⁾ и отвезенный плѣнникомъ въ Англію. Подразумѣвается пораженіе въ битвѣ при Пуатье ⁵⁾; характеристика англичанъ та-же, что у Петрарки ⁶⁾. Но пора и успокоиться, говоритъ Боккаччьо: по милости Божіей моя утлая ладья, пройдя по бурному морю царственныхъ скорбей, опасностей, слезъ и гибелей, дошла наконецъ до своей цѣли. Если авторъ отступилъ кое-гдѣ отъ истины, пусть вмѣняютъ это его незнанію, не самомиѣнію, и да простятъ его болѣе свѣдущіе ⁷⁾ во имя сладчайшей и преславной философіи ⁸⁾, особливо Петрарка, мой лавровѣнчаный учитель, блестящее зеркало нравовъ, свѣтило назидательныхъ знаній; пусть дополняютъ недостающее въ его трудѣ, удаляютъ лишнее, исправятъ несогласное съ христіанскою религіей либо философскою истиной — хотя, по миѣнію автора, ничего такого у него нѣтъ. Я возблагодарю Господа, подателя милостей, если моя книга обратитъ кого-нибудь къ самосознанію и смиренію; и да откроютъ глаза сильные міра сего, да поучатся и исправятся, и коли имъ случится пасть, пусть будетъ это не по ихъ винѣ, а по злобѣ ⁹⁾ всѣмъ вращающей фортуны. Ты-же,

---

1) Qui fuerint, quo ordine in mortem juvenis itum est, instantis exercitii non est.

2) Pro constanti habitum est.

3) IX, 27.

4) Inertissimis atque pavidis et nullius valoris hominibus.

5) Сл. выше стр. 103, 211.

6) Fam. XXII, 14.

7) Prudentiores.

8) Per dulce atque praeclarum decus philosophiae.

9) Protervia.

малая моя книжка, здравствуй долго, блюдя имя и славу Магнарда и мою ¹⁾).

Воззваніемъ къ сильнымъ міра сего кончается трактатъ, назначенный направить ихъ на путь добра примѣрами судьбы. Сильные міра сего — это люди, возвышенные счастьемъ и поверженные имъ, преимущественно цари, правители, тиранны, государственные дѣятели. Этотъ выборъ даетъ основной тонъ морализаціи: въ ней слышатся общественные мотивы, поднятые риторизмомъ.

Въ общемъ нравственные взгляды De Casibus отличаются той-же суровостью, тѣмъ же боязливымъ поворотомъ къ старинѣ, какъ въ Корбаччо и трактатѣ объ именитыхъ женщинахъ. Начать хоть съ вопроса, капитальнаго для того и другого: женщина и любовь. Евва создана была на утѣху мужа, не на безпокойство, какъ нынѣшнія жены ²⁾; женщины вреднѣйшее отродье, безумное, вѣроломное, вѣтреное, лживое, ненасытно-сладострастное ³⁾; когда онѣ разгнѣваны, иѣтъ жесточе ихъ, онѣ не удовлетворяются тѣмъ, что видѣли плоды своей мести, а хотятъ, чтобы о ней знала вся улица ⁴⁾. Особенно ярка отрицательная характеристика женщинъ, вызванная предательствомъ Далилы ⁵⁾: онѣ — милое и вмѣстѣ смертельное зло ⁶⁾, которое не многимъ удастся познать, прежде чѣмъ они его испытали. Низверженная Богомъ за ослушаніе, онѣ не къ тому стремятся, чтобы вернуть себѣ прежнее положеніе, а по какой то врожденной злобѣ ⁷⁾ строятъ ковы бѣднымъ мужчинамъ. Онѣ знаютъ, что въ нихъ нравится: свѣжія краски лица ⁸⁾, смѣющіеся либо серьезные

1) Tenax nominis atque famaе.

2) I, 1: sollicitudinem.

3) I, 10: effrene, infidum.

4) IV, 12; сл. VIII, 23.

5) I, 18.

6) Blandum et exitiale.

7) Malitiam.

8) Faciem roseo colore et vivido fulgidam.

голубые глаза ¹⁾, золотистые, кудрявые волосы, благовонные уста, продолговатый носикъ, алебастровая ²⁾ шел, прямо выходящая изъ полныхъ ³⁾ плечъ, грудь, вздымающаяся двойною округлостью, длинныя руки съ тонкими ладонями и продолговатыми пальцами, стройное тѣло ⁴⁾ и маленькая ножка; но не удовлетворяясь этими дарами природы, онѣ ухитряются присоединить къ нимъ и другое, отвѣчающее ихъ цѣли, совѣтуются другъ съ другомъ, съ великимъ остроуміемъ устраняя лишнее и дополняя недостатки. Слѣдующія выходки напоминаютъ дамскую уборную въ Корбачьо и новеллу Саккетти ⁵⁾, гдѣ художники спорятъ, кому послѣ Джьотто принадлежитъ пальма первенства въ живописи, а Альберто Арнольди рѣшаетъ, что женщинамъ: дѣвушку, страдающую излишней худобой онѣ дѣлаютъ полной, питая ее сладкими явствами и питьями ⁶⁾, полную — гибкой, какъ тростникъ, постомъ, либо виноградными зернами ⁷⁾; кривую и хромую прямой, поднятое плечо низкимъ и наоборотъ, малорослую — высокой. Говорить-ли объ опухоляхъ на рукахъ ⁸⁾, о веснушкахъ на лицѣ? Отъ всего онѣ пользуются, не спросясь Гиппократата: темные волосы онѣ обращаютъ посредствомъ настоекъ ⁹⁾ въ золотистые, торчащія съ помощью щипцовъ въ завитые, ножницами разъединяютъ слившіяся брови, выводятъ ихъ тонкимъ, полукругомъ и чернятъ впрокъ ¹⁰⁾; недостающіе зубы замѣняютъ зубами изъ слоновой кости, почернѣвшіе красятъ и чистятъ всякими снадобьями ¹¹⁾; волосы на лицѣ, которые не сняла

---

1) *Oculos laetos, graves atque ceruleos.*

2) *Eburneus.*

3) *Rotundis.*

4) *Gracile.*

5) № 136.

6) *Mellitibus cibis et offis.*

7) *Acinis.*

8) *Tumerositates.*

9) *Aquis.*

10) *Perpetua nigredine.*

11) *Pigmentis gemmisque.*

бритва, устраняетъ тонкое стеклышко, оно тончитъ кожу; поблекшее лицо и губы красятся, идутъ въ ходъ и другія снаровки, такъ что въ концѣ концовъ неряшливыя и безобразныя представляются вамъ самой Венерой. У меня устало бы перо и не хватило-бы бумаги, еслибъ я захотѣлъ описать, какъ убираютъ онѣ волосы, то обертывая ихъ вокругъ головы, то плетя, то взбивая ¹⁾, какъ украшаютъ ихъ цвѣтами, кораллами ²⁾, драгоценнымъ узорочьемъ ³⁾, вѣнками и тончайшими вуалями, немного отпущенными на волю вѣтра; въ какія платья онѣ рядятся, что твой царскій пурпуръ, причемъ одна слѣдуетъ модѣ аллобеговъ, другая эдуевъ, кипрійцевъ или египтянъ, грековъ или арабовъ, ибо итальянская не удовлетворяетъ.—Это старыя нареканія противъ излишествъ дамскихъ модъ, которыя вызывали и правительственныя постановленія и сатиру ⁴⁾.—Отуманивая такимъ образомъ умы мужчинъ, онѣ тонко поняли, какими способами раздражать ихъ, полуобнажая то прелесть персей, то ногу; онѣ знаютъ, какъ смотрѣть, какъ сладострастно повести глазами, какая улыбка идетъ къ лицу, и умѣютъ во время показать, что не желаютъ совсѣмъ того, чего вожделяютъ. Но мнѣ-ли, несвѣдущему (*nescius*), повѣдать объ ихъ уловкахъ? Это тоже, что пересчитать звѣзды или морской песокъ; дѣлается это на глазахъ у всѣхъ, а какія у нихъ наединѣ ⁵⁾ медовыя рѣчи, какія ласки и нѣга, какія, коли понадобятся, слезы, всегда готовыя къ ихъ услугамъ—объ этомъ лучше умолчать. На все это попадаютъ мужчины; примѣры: Адамъ, Парисъ, Тіэстъ, Пирръ, Геркулесъ, Самсонъ; что еще позорнѣе ⁶⁾, попадаютъ не только въ томъ возрастѣ, когда особенно сильно разгорается пламя Амура, но и люди ста-

---

1) *Hos circumvolvunt capiti, illos in nodum agunt, alios in cumulos.*

2) *Corallis.*

3) *Auriis gemmisque infulis.*

4) См. выше т. I, стр. 49, 469 и *Sacchetti, Canzone distesa contra alle nuove fogge; Canzone contra alla portatura delle donne fiorentine* и др.

5) *In conclavi.*

6) *Turpius.*

рѣющіеся¹⁾. О женщина, сладчайшая и виѣстѣ смертельная утѣха, что можешь ты увидѣть, чего-бы не пожелала²⁾, что пожелать, чего не осмѣлилась бы получить, на что-бы осмѣлилась, чего-бы не получила? Авторъ приглашаетъ юношей вспомнить судьбу Трои, Агамемнона, Геркулеса, Самсона, какія мерзости, противныя даже коршунамъ³⁾, скрываются подъ обманчивой краской лица, подъ золотыми и пурпурными одеждами. О если бы мы познали здраво, кто мы и на что рождены, и, свободные, негодующіе, не позволили бы себѣ нести иго столь необузданнаго животнаго! — Ибо женщина животное жестокое⁴⁾, гнѣвное, вѣроломное, сладострастное, свирѣпое⁵⁾, жадное до суетнаго, не до вѣрнаго; это — Далила, Даная, отдавшіяся изъ-за золота, Филлида, повѣсившаяся въ нетерпѣніи изъ-за любви къ Демофонту; Клитемнестра, Египтянка, соблазвившая Соломона, Медея и др. Скажутъ: даже Самсонъ и Геркулесъ были побѣждены, не то, что мы; къ тому же слѣдуетъ заботиться о продолженіи рода, да и не всѣ женщины достойны осужденія. Да, мы не совершаемъ подвиговъ Геркулеса, но мужественностью, твердостью можемъ превзойти его, отдавагося сладострастью. Вѣдь Улисса не побѣдила ни Калипсо, ни Сирены; прежде всего надо побѣдить самого себя. Я не отрицаю, что къ женамъ подобаеъ стремиться ради потомства, но не слѣдуетъ подчиняться имъ, не давать имъ надъ собой власти, а не раздѣлять ее съ ними, не довѣрять ихъ слезамъ и жалобамъ, беречься ихъ ковъ, какъ смертельнаго врага. Разумѣется, и между ними есть благочестивыя⁶⁾, скромныя, святыя, достойныя всякаго уваженія, не только христіанки, но и язычницы; коли таковыя встрѣтятся, ихъ слѣдуетъ любить и почитать паче мужчинъ; но онѣ встрѣчаются

---

1) Senescentibus.

2) Quid concupiscere potes, quin velis.

3) Vulturibus.

4) Amarissimum.

5) Truculentum.

6) Piae.

рѣдко и потому, дабы въ поискахъ за Лукреціей не попасть на Кальпурнію или Семпронію, я полагаю, что лучше—избѣгать ихъ всѣхъ.

Мизогинизмъ этихъ сраницъ оставляетъ за собою соотвѣтствующія нападки De Claris Mulieribus; какъ будто самая глава написана подъ впечатлѣніемъ слѣпой ожесточенности Корбаччо. Личный моментъ я склоненъ усмотрѣть и въ томъ, что любовь позорно овладѣваетъ даже людьми старѣющими, не сознающими, кто они и на что рождены: это мотивы Корбаччо. Какъ тамъ ¹⁾, описываются подробно тайны дамскаго туалета, съ отвращеніемъ—и видимымъ интересомъ; раскрываются уловки женщинъ, чтобы опутать мужчинъ, хотя авторъ утверждаетъ съ невиннымъ видомъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ не свѣдущъ; онъ, дозволившій назвать себя въ Корбаччо «знатокомъ женщинъ»! Онъ ихъ не только знаетъ, но и продолжаетъ любить, это чувствуется въ самой страстности его укоризнъ; старый грѣшникъ остался въ въ суровомъ ригористѣ: въ женщинахъ гибель, но и блаженство; она сдѣлаетъ все, что захочетъ, потому что міръ ей принадлежитъ, говоритъ онъ въ De Claris Mulieribus. По прежнему онъ любитъ формы женскаго тѣла, и его эстетическій идеалъ тотъ-же ²⁾; когда любовникъ Арзиной убитъ въ ея объятіяхъ и она держитъ его, обагрённая его кровью, не можетъ наглядѣться на его красоту, зоветъ его и цѣлуетъ, какъ бы допытываясь въ немъ жизни ³⁾ — Боккаччо забывается въ художественности трагическаго положенія; но слѣдующая глава ⁴⁾ спѣшитъ все исправить: красота пагубна, и похвально поступилъ Спуринна, исказившій свою красоту, ибо она увлекаетъ къ любви. Ея тревоги, опасности и пагубныя послѣдствія напоминаютъ такое-же общее начало въ De Claris Mulieribus ⁵⁾, образъ лабиринта —

1) Сл. выше стр.

2) Сл. выше т. I, стр.

3) IV, 18.

4) IV, 19.

5) Сл. выше стр.

планъ Корбаччьо: кто попадетъ въ этотъ лабиринтъ, того либо изгоняють изъ него, обманутаго, долго поводявъ, либо увлеченный ложной надеждой, проплутавъ, онъ погибаетъ отъ усталости, либо гибнетъ въ западнѣ¹⁾).

То-же пониманіе любви, какъ исключительно плотской, грѣшной страсти²⁾, развивается въ I. III, 4 съ сходными аргументами, но въ иномъ приложеніи: мы входимъ въ область обличеній, направленныхъ противъ сильныхъ міра сего. Во первыхъ противъ сладострастныхъ правителей, не знающихъ границъ своимъ вожделѣніямъ: они посѣщаютъ храмы, площади, всѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтить красиво-одѣтыхъ дамъ, на всѣхъ глазбють, всѣхъ одинаково желаютъ, ухаживаютъ, улещаютъ, насильничаютъ и хвалятся въ пѣсняхъ оскверненіемъ супружескихъ ложъ. Когда ихъ порицають за это, они ссылаются на Давида, Самсона и Соломона; вѣдь любовь въ юные годы—дѣло природы и не грѣхъ; наконецъ, они надъ собою властны, никому не дѣлають вреда, а подъ старость остепенятся. Что за безуміе! Согрешили и Давидъ, и Самсонъ, и Саломонъ, и за это были наказаны; да они и славны не однимъ лишь любострастіемъ; къ чему-же подражать имъ въ этомъ одномъ? Вы какъ коршунъ, день деньской кружащійся на простертыхъ крыльяхъ и опускающійся не на годное, а на падалъ. Правда: всѣ мы естественно подвержены вожделѣнію въ видахъ умноженія рода, но совершать это внѣ закона—не юношеская забава, а издѣвательство³⁾; да въ эти лѣта не слѣдуетъ подстрекать страсть, давая волю глазамъ, а тѣмъ строже сдерживать ее. На силы вожделѣнія ссылаться нечего: пусть вспомнятъ Сципіона Африканскаго, рѣчи Сифакса за Софонизбу, Катона, Цицерона, Друза, юныхъ дѣвъ, предпочтившихъ муки безчестію. Для обузданія страсти есть бракъ. А что будто-бы всякій воленъ въ своемъ, то и это несправедливо: и по отношенію

1) *Ab insidiis male sanus opprimitur.*

2) *Сл. De Claris Mulieribus, выше стр.*

3) *Non . . . ludus, sed ludibrium.*

къ себѣ самому не все дозволено, па то разумъ поставилъ намъ законы, въ числѣ ихъ и такіе, которые оберегаютъ честь женщинъ. Съ другой стороны, что можетъ быть глупѣе, какъ довѣриться всецѣло охранѣ человѣка, чтобы обрѣсти въ немъ—осквернителя своей чести! Ибо я не обезпеченъ, если мой домъ запятнанъ прелюбодѣянiемъ, на мое лицо наведена краска стыда. Пусть помнятъ это правители: человѣкъ все скорѣе перенесетъ, чѣмъ безчестіе; тому примѣры насиліе надъ Лукреціей, судьба Аппія Клавдія, пожаръ Трои изъ-за Елены, колѣно Веніаминово, чуть не истребленное ¹⁾ изъ-за соблазненной супруги левита. Наконецъ, есть еще и вопросъ о здоровьи: излишества сладострастія притупляютъ умъ и память, надрываютъ силы; оно врагъ здоровья; если кто и доживаетъ до старости, бываетъ подверженъ разнымъ недугамъ, не только обреченъ на воздержаніе, но и оплакиваетъ грѣхи пылкой юности.

Типомъ царственнаго распутства и безумной роскоши является Сарданапаль ²⁾; были мудрые изобрѣтатели, Фороней, Сатурнъ, Эрихтопій; Сарданапаль явился и затмилъ ихъ славу введеніемъ мягкихъ ложъ, драгоценныхъ кубковъ, изысканныхъ яствъ, благовоній и мазей, возбуждающихъ любовь. Подробно и реально говорится объ его образѣ жизни среди нѣги и разврата; но Сарданапаль не одинъ ³⁾, характеристика невольно обобщается. При дворахъ царить не только развратъ, но и наущничанье и легковѣріе: самъ я нерѣдко видѣлъ, говоритъ Боккаччо, привязавшись къ вопросу о легковѣрiи Тезея ⁴⁾, что правители показывались не иначе, какъ окруженные стражей, дома держали привратниковъ, и изъ боязни отравы, людей, предвкушавшихъ явства и питья— а вмѣстѣ съ тѣмъ склоняли слухъ ко всякой рѣчи, не боясь яда, вселяющагося такимъ путемъ въ души. —

---

1) Desolatum.

2) II, 12.

3) II, 13; сл. сои. LVI: Apizio legge nelle nostre scole—E'l re Sardanapalo.

4) I, 10.

И отрицанія накопляются; говоря¹⁾ о помазаніи Саула на царство, Боккаччо восклицаетъ: О счастливое событіе — если вѣрить мнѣнію толпы! А черезъ нѣсколько главъ²⁾ укору противъ гордыхъ или надменныхъ мѣтятъ именно въ царей: на нихъ взводятся всевозможныя преступленія, они отождествлены съ тиранами, свергнуты, убиты ихъ — святое дѣло; о священная римская свобода! ты существовала бы вѣчно, еслибы поднималась всякій разъ во всеоружіи мести на распутныхъ правителей, памятуя, что дважды ты была искуплена непорочной кровью! Но намъ не помочь людямъ, которыхъ Господь осудилъ на гибель³⁾.

Эти яркія выходы противъ тирановъ вычитанныя изъ классиковъ, получали для Боккаччо живой смыслъ, риторическая фраза становилась для него выраженіемъ пережитого, реальнаго: онъ самъ видѣлъ тиранію герцога Аѳинскаго, знаетъ, чего стоитъ малодушная, измѣнническая толпа⁴⁾, какъ несносно-чванны разбогатѣвшіе проходимцы⁵⁾, а память Регула⁶⁾ вызываетъ цѣлую Филиппику противъ флорентійцевъ: у нихъ одинъ интересъ — хищничество, грабятъ мірское или церковное, лишь бы не попасться; добившись всякими неправедными путями почестей и богатства, они не стыдятся говорить о своей бѣдности, дабы избѣжать общественныхъ тяготъ; дочерямъ даютъ богатое приданое, свадьбы празднуютъ по царски, рядятъ женъ, держатъ лошадей и собакъ—а на общественное дѣло у нихъ нѣтъ денегъ; а мы вѣдь прежде всего родились для отечества, и лишь потомъ для себя. Увѣщаніе къ нарушителямъ клятвы также обращено противъ богатыхъ.

Политическое и общественное міросозерцаніе Боккаччо намъ знакомо⁷⁾ и соотвѣтствующіе эпизоды De Casibus тому не про-

1) II, 1.

2) II, 5.

3) III, 9; сл. III, 2.

4) IV, 2.

5) V, 18.

6) V, 4.

7) См. выше, т. I, стр. 147 слѣд.

творѣчатъ: демократизмъ Боккаччо не принципиальный, а личный, сильное созваніе личной свободы, щепетильное и подозрительное ко всякому игу, соединилось въ немъ съ интересомъ къ вопросамъ флорентійской самостоятельности; изъ этихъ двухъ элементовъ созданъ его гражданскій идеалъ, воплотившійся въ его субъективномъ пониманіи Данте: забыты вопросы времени, гвельфы и гибеллины и значеніе партіи; Данте—великій человѣкъ, не поступившійся своей свободой даже подъ ударами судьбы.

Но что такое судьба, фортуна, *Rhamnusia* юношескихъ писемъ, навѣянная Овидіемъ или Генрихомъ изъ Сеттимелло? ¹⁾ Въ *De Casibus* это основной мотивъ. Если въ книгѣ о знаменитыхъ женщинахъ Боккаччо пытался разрѣшить нѣкоторые изъ тревожившихъ его вопросовъ: любовь и нравственность, добродѣтель и слава, то этическихъ задачи *De Casibus* можно бы формулировать такимъ образомъ: судьба и призваніе. И въ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе получилось такое-же двойственное, полное внутривнутреннихъ противорѣчій; вопросъ не подвинулся съ тѣхъ поръ, какъ въ юношескихъ письмахъ Боккаччо подписывался «враждебный судьбѣ» ²⁾, поднималъ эти вопросы и въ *Декамеронѣ* ³⁾. Впрочемъ самъ онъ спѣшитъ признаться, что ограничится при-мѣрами, не пускаясь въ изслѣдованія причинъ ⁴⁾, въ обобщенія.

Судьба, Фортуна—это Богъ, говорится въ введеніи, но въ ея содержаніи нѣтъ ничего христіанскаго: ни идеи воздаянія, ни идеи искупленія, ни подчиненія идеѣ промысла, какъ у Боэція. Иной разъ она прозорлива, не баловала Боккаччо, пока его желанія были неразумны, и сулитъ ему славу, познавъ высоту его стремленій ⁵⁾; въ другихъ случаяхъ она жестока и несправедлива;

1) Сл. выше т. I, стр. 79 и *Op. Trist.* V, 8, 9; *Metam.* III, 406. Сл. *Claud. Bell. Get.* 681 и *Apul. Metam.* XI, t. I. стр. 768 (ed. Lugd. Batav.).

2) Сл. выше т. I, стр. 79.

3) Сл. выше т. I, стр. 487 слѣд.; къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ присоединить сербскую сказку, сообщенную Велашевичемъ въ *Просвѣта* I, св. VII.

4) VI, 1.

5) I. с.

ея пути, ухищренія ¹⁾, повороты ²⁾ и несповѣдимы, и капризны. Часто, взвѣявъ съ земли мелкія соломинки ³⁾, она возноситъ ихъ чудовищными тучами, застилаетъ ими солнце, ихъ громомъ наводитъ страхъ, а затѣмъ, какъ бы пресытившись игрой, обращаетъ въ дождь, который омываетъ дороги, а, можетъ быть, очищаетъ и клоаки ⁴⁾—и бѣдные люди, обманутые ею, ошеломленные, точно во снѣ или подъ вліяніемъ волшебнаго миража ⁵⁾, не зная, что дѣлать, хватаются за воздухъ и тщетно сѣтуютъ на глазахъ у коварной ⁶⁾. Апологъ ди Негро ⁷⁾ пытается схватить ея неуловимый образъ — опредѣленіемъ: будто-бы несчастная доля по большей части заслужена; но Дидону судьба обидѣла ⁸⁾, на философа Каллисена она ожесточилась ⁹⁾, поразила Данте ¹⁰⁾ безправно и незаслуженно. Чувство справедливости оскорблено, но нравственное удовлетвореніе является въ сознаніи правоты, исполненнаго долга, въ доблести, *virtus*: гдѣ она, тамъ нѣтъ удѣла судьбѣ ¹¹⁾, даже испытывая позоръ, доблесть не подчиняется фортунѣ ¹²⁾, мужественно перенося утрату царствъ, оскорбленія, смерть дѣтей, тяжесть нищеты ¹³⁾. Въ этомъ самосознаніи, торжествующемъ надъ ударами судьбы, нѣтъ ничего специально-христіанскаго; оно подлежитъ этической — но и эстетической оцѣнкѣ: нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ встрѣтить неминуемую смерть такъ-же безбоязненно, какъ жили ¹⁴⁾.

1) I, 9: artes.

2) I, 20: revolutionibus.

3) IV, 13: tritas . . . paleas.

4) l. c.: qua nescio, utrum dicam, an terrae persaepe lavari vias, an fetidas lavari cloacas.

5) V, 13: ambages magicas.

6) l. c.: jocularitrix.

7) III, 1 и введенье.

8) II, 9: injuriam.

9) IV, 7: saevientis fortunae.

10) IX, 23.

11) V, 4: ibi nullas partes esse fortunae.

12) VIII, 4: ignorat fortunae succumbere.

13) IX, 22.

14) IV, 12.

Есть и доля, дѣйствительно заслуженная¹⁾; когда люди пре-
высили свои требованія отъ жизни, увлеклись не въ мѣру пого-
ней за счастьемъ, они платятся за это; въ такихъ случаяхъ,
чѣмъ больше бываетъ счастья, тѣмъ ближе паденіе²⁾, и слѣпой
оказывается не фортуна, а люди, не умѣряющіе своей воли по-
слушаніемъ³⁾, грѣшащіе гордыней⁴⁾ и ненасытнымъ вождель-
ніемъ⁵⁾, полагающіе свое благо въ суетномъ, когда слѣдовало-бы
смириться, припавъ къ краеугольному камню—Христу⁶⁾; спасеніе
въ смиреніи⁷⁾, въ бѣдности⁸⁾, то есть въ ограниченіи желаній⁹⁾.

Но какъ быть, когда эти желанія лежатъ въ лучшей сто-
ронѣ нашей природы, въ энергіи таланта, требующей исхода,
осуществленія? Самъ Боккаччо ощущаетъ въ себѣ эти стрем-
ленія¹⁰⁾, прирожденное благородство, которое онъ отдѣлялъ
отъ вопросовъ крови и наслѣдственности¹¹⁾; и въ простомъ
человѣкѣ таятся нерѣдко великій духъ¹²⁾, говоритъ онъ и пы-
тается извинить Алкивиада, съ видимой симпатіей къ его блестя-
щему образу¹³⁾. Да, онъ самъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ, я
не отрицаю того, но рѣдко кто бываетъ доволенъ своей участью;
вашъ духъ небеснаго происхожденія, и ему присуща огневая
сила и неутолимая жажда славы. Если онъ благороденъ и не
коснѣетъ въ тѣлѣ, ему тѣсно въ груди: онъ рвется наружу, об-
нимая весь міръ, возносясь къ звѣздамъ, вожделья великаго,
какъ бы стремясь къ своей родинѣ, иногда падая. Это участь

---

1) IV, 5, VI, 1.

2) I, 12, III, 3.

3) I, 2.

4) I, 4.

5) III, 7.

6) I, 13.

7) II, 8, 16, IV, 7: *humilitas*.

8) I, 15, III, 1, 17, VIII, 17; см. выше стр. 199—200.

9) *Gen. Deor. l. XIV, c. 4: si desiderio careat augendi.*

10) См. выше стр. 182 въ письмѣ къ Заноби.

11) II, 17, V, 4, VI, 3, IX, 16; см. выше стр. 48 слѣд.

12) II, 5.

13) III, 13.

великих¹⁾, энергическихъ умовъ; отъ недѣтельности слабѣютъ и тѣлесныя и духовныя силы, какъ блестящіе предметы ржавѣютъ отъ неупотребленія; Алкивиадъ многое испыталъ и перенесъ, за то его имя сіяетъ въ потомствѣ, тогда какъ другіе утратили его вмѣстѣ съ тѣломъ, хотя они были столь же родовиты и представлялась возможность проявить себя. Итакъ, надо дѣйствовать²⁾, славный путь къ небу открыть³⁾, надо стремиться всѣми силами, дабы, предавшись покою, не подпасть вѣчнымъ мукамъ.

Отъ панегирика практической дѣятельности Боккаччо естественно переходитъ къ вопросу о своемъ призваніи⁴⁾. Ему говорили: Теперь ты порицаешь косность покой, отиш, а въ другихъ случаяхъ превозносилъ бездѣлье, то есть, поэтическое; и онъ выступилъ за равноправность всѣхъ профессій. Поэзія такое-же серьезное дѣло, какъ и всякое другое, она требуетъ досуга⁵⁾ — и онъ приводитъ въ ея защиту мотивы письма Петрарки къ брату Герарду, главный источникъ всѣхъ его размышленій о задачахъ поэзіи.

Таковъ въ De Casibus анализъ идеи судьбы; онъ интересенъ для міросозерпанія ранняго гуманизма, какъ попытка выяснить ее изъ наблюденія чисто-человѣческихъ отношеній, не исходя изъ христіанской догмы, но примѣнительно къ ней; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ попытка свести классическое представленіе о фортунѣ къ идеѣ промысла, но обходя его частныя опредѣленія. Въ результатѣ получился рядъ выводовъ, не примиренныхъ въ цѣльномъ синтезѣ; они не примирились и въ Боккаччо. Въ этомъ отношеніи его De Casibus, какъ и большая часть его гуманистическихъ трудовъ, интересенъ для его психологін: вопросы, которые онъ поднимаетъ, дѣйствительно и глубоко его волновали, и онъ пытался разобраться въ нихъ средствами эрудиціи; выводы изъ De

1) *Ingentium spirituum.*

2) *Agendum igitur est;* см. VIII, 1 обращеніе Петрарки: *Ergo agendum est, laborandum est.*

3) *Clarum est iter stratum ad superos.*

4) III, 14.

5) См. выше стр. 173—4.

Casibus освѣщаютъ его тревожное письмо къ Петраркѣ по поводу миланскаго инцидента. Онъ чувствуетъ призваніе поэта, литератора — и старается успокоить себя идеей смиренія, ограниченія желаній, которыя уберегутъ его отъ ударовъ судьбы, оградятъ свободу и душевный покой. Но бѣдность не обезпечиваетъ поэтическаго досуга; надо крѣпость духа, выдержка, *virtus*, чтобы въ борьбѣ съ лишеніями и невзгодами жизни остаться на высотѣ идеала, не поступившись своимъ достоинствомъ.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ этого личнаго вывода изъ De Casibus задумана, быть можетъ, «жизнь Данте», поэта, гонимаго судьбою, но не сраженнаго. Умственный культъ по прежнему отдавъ Петраркѣ, нравственное обаяніе принадлежитъ Данте. Преклоняясь передъ нимъ, Боккаччо невольно переживаетъ въ немъ свое собственное душевное настроеніе. Онъ будетъ писать о Данте и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ нравственную потребность помирять въ себѣ оба культа, дантовскій гражданскій идеалъ съ эстетическимъ гуманизмомъ Петрарки, права итальянской рѣчи, возвышенной Данте, съ изящной абстракціей латинскаго періода; мирить самого Петрарку съ Данте, котораго тотъ, повидимому, не цѣнитъ, а онъ поклоняется имъ обоимъ.

Вопросъ поставился самъ собою въ миланскихъ бесѣдахъ 1359 года¹⁾; вернувшись во Флоренцію, Боккаччо послалъ Петраркѣ экземпляръ Божественной Комедіи съ письмомъ, содержаніе котораго мы не знаемъ, настроеніе передаетъ слѣдующее стихотвореніе, сопровождавшее посылку: «Славная краса Италіи, чье чело увѣнчали лавромъ римскіе вожди, прими прекрасное твореніе Данте, ученѣ котораго, мнится мнѣ, никогда еще не слагалось въ стихахъ для народа. Не погнушайся взглянуть на стихи поэта-изгнанника, звучные лишь своей народной рѣчью, поэтъ не вѣн-

1) Сл. выше стр. 194—6.

чаннаго—по волѣ неправедной судьбы. Это изгнаніе и было поводомъ пѣвцу показать, что въ состояніи сдѣлать новѣйшій народный метръ, не незнаніе (т. е. латинской рѣчи), какъ говорили жестокие, дрожавшіе отъ злобы завистники. Слышалъ, быть можетъ, ты и самъ: въ юности Фебъ увлекъ его на высоты снѣжной Цирры ¹⁾, въ заповѣдныя убѣжища природы, на путяхъ неба, земли и моря, къ аонійскимъ источникамъ, на вершину Парнасса, въ юлійскія пещеры ²⁾, Парижъ и до окраины британцевъ. Священные пѣснопѣнія стяжали ему имя богослова, поэта, мудреца ³⁾ онъ сталъ чуть не другой славой флорентійцевъ ⁴⁾, но неправедная смерть, поспѣшивъ, не дала ему увѣнчаться лавромъ. Можетъ быть, на первый взглядъ, Камены покажутся тебѣ слишкомъ жалкими ⁵⁾, но если мыслью ты охватишь ограды Плутона, и рѣку и горделиво поднимающуюся гору и обитель Юпитера, одѣтую священными тѣнями, ты увидишь глубокой смыслъ, музу, брядающихъ небеснымъ плектромъ на вершинѣ Низы, во всемъ дивный порядокъ—и охотно скажешь: что вторымъ послѣ того, кого ты чтить и превозносишь по праву (Клавдіана, котораго считали уроженцемъ Флоренціи), будетъ во вѣки Данте, котораго произвела великая мать поэтовъ, Флоренція, имя котораго она чувствуетъ, ликуя, распространяя по великимъ градамъ и свое имя по слѣдамъ знаменитаго сына. Хотя своимъ талантомъ ⁶⁾ ты высишься въ небо и твоя слава гремитъ не только въ Лации, а и среди звѣздъ, прими, дорогой мой, единственное наше упованіе, твоего согражданина, также ученаго и поэта ⁷⁾, прими въ число своихъ ⁸⁾, славы его, чествуй и читай; такъ поступая, ты себя и его укра-

---

1) Cythereos.

2) Antra Julia.

3) Hinc illi sacro moderamine virtus — Theologi vatisque dedit simul atque sophiae — Agnomen.

4) Factuaque fere est gloria gentis — Altera Florigenum.

5) Nudas.

6) Ingenio.

7) Doctumque satis pariterque poetam.

8) Junge tuis.

свись великими хвалами, о дивная краса нашего города и всего міра! ¹⁾).

Боккаччо хочет увлечь Петрарку къ культу Данте и видимо бережетъ его щепетильность; онъ желаетъ добиться отъ него признанія Данте—для него это былъ вопросъ самоопредѣленія—и подступаетъ осторожно: пусть не погнушается прочесть народныя вирши, онѣ навѣяны невзгодами изгнанія; Камены бѣдныя съ виду, но таятъ глубокой смыслъ и чудесную гармонию въ цѣломъ. Въ срединѣ вброшено: чуть не вторая слава Флоренціи! Это «чуть» ²⁾ робкое признаніе, оставляющее открытымъ вопросъ первенства и самолюбія.

Петрарка отвѣчалъ ³⁾ такъ же осторожно и дипломатично, съ обиліемъ общихъ мѣстъ, которыя мы опустимъ, и полупризнаніями, имѣющими цѣну для характеристики какъ его самого, такъ и литературныхъ отношеній его времени. На многое, о чемъ ты пишешь, я отвѣчать не стану, ибо лишь недавно бесѣдовалъ съ тобой о томъ, но два вопроса не могу пройти молчаніемъ. Во первыхъ твоихъ извиненій, что ты превознесъ поэта, нашего согражданина, стиль котораго слѣдуетъ признать несомнѣнно народнымъ, какъ возвышеннѣйшимъ—сюжетъ его пѣснопѣній. Ты такъ извиняешься, будто думаешь, что всякую твою похвалу ему или другому я считаю умаленіемъ своей, съ умысломъ прибавляешь, что, въ сущности, все сказанное о немъ вмѣнится и мнѣ въ славу, да еще оправдываешься, что отъ юности онъ былъ тебѣ свѣточемъ и руководителемъ въ твоихъ занятіяхъ. Я поощряю эти чувства справедливости, благодарнаго воспоминанія, скорѣе сказать, сыновней любви; не только допускаю все это, но и хвалю твое намѣреніе превознести свѣтило, выведшее тебя на этотъ прекрасный путь, по которому ты быстрыми шагами идешь къ славѣ; пусть къ похваламъ, которыми издавна осыпала его толпа, при-

1) Corazzini, l. c. 53—4.

2) Fere.

3) Fam. XXI, 15.